

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О ПСЕВДОМОРФОЗЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Немецкий историк и философ Освальд Шпенглер (1880–1936) — автор книги «Закат Европы» был одним из основоположников философии культуры, представителем направления «философии жизни», хотя, строго говоря, его труды не укладывались в классификацию историко-философских тем, направлений. Универсальность, экскурсы в развивающийся мир культур, охватывающих мировое пространство и хронологию «всемирной истории», прогнозы, ставили Шпенглера в особое положение.

В «Закате Европы» философ обращался к истории России, ее особенностям, месту во всемирной истории, хотя русская тема была здесь побочной. Взгляд Шпенглера на историю и «дух» России ставил немецкого ученого в ряд тех наших мыслителей, которые пытались понять специфику (самобытность) русской истории и души, в противоположность иным, которые специфики не замечали, считали, что Россия лишь отстала от Запада и просто должна его догнать. Чаадаев, К. Аксаков, Герцен, Данилевский и другие задолго до Шпенглера говорили о неформальности русской культуры, о роли православия в истории России, о неорганичности реформ Петра I и т.д.

Заключения Шпенглера по русской истории, созвучные мыслям наших литераторов, свидетельствуют о начитанности и проницательности автора. Он прямо ссылаясь на Н.М. Карамзина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.С. Аксакова, А.М. Горького, П.Н. Милюкова, упоминал Ленина. Шпенглер вполне мог быть знаком и с трудами тех россиян, которых он прямо не упомянул в «Закате Европы». «Русские пассажи» мыслителя, его пристрастный взгляд «постороннего», даже если он кажется не соответствующим нашим представлениям об истории России, имеют самостоятельный интерес.

Освальд Шпенглер родился 29 мая 1880 г. в г. Бланкенбурге в семье почтового служащего Бернгарда Шпенглера и Паулины Шпенглер. В 1904 г. он окончил университет в Галле и защитил докторскую диссертацию «Основная метафизическая идея гераклитовской философии». Защита открыла ему возможность преподавать математику, естественные науки, немецкий язык, историю в гимназии. После смерти отца и матери он получил скромное наследство, которое позволило ему реализовать свою мечту — уйти с работы и стать «свободным художником».

Вехами в развитии его внутреннего мира, концепции и метода стали Гете, Ницше, Шекспир, музыка Рихарда Вагнера, живопись Рембрандта. Он любил Вагнера и научился играть на рояле, чтобы исполнять его музыку (Свасьян К.А. *Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер*

Освальд. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. М, Эксмо, 2009. С. 43). Шпенглер высоко ценил Достоевского, видел в нем, как и Бердяев, глубины «русского духа». Для чтения Достоевского в оригинале, Шпенглер изучил русский язык (*Там же*. С. 42).

Замысел книги родился у Шпенглера в 1911 г., ее черновик был готов в 1914 г., а «Закат Европы» увидел свет в 1918 (Т. 1) и 1922 (Т. 2) гг. Шпенглер «предпринял попытку предугадать историю», «проследить судьбу одной», «западноевропейско-американской» культуры, ...на стадиях ...еще не пройденных» (*Шпенглер Освальд. Закат Западного мира*. М.: Альфа-книга, 2010. С. 13). Для решения поставленной задачи и в соответствии с собственным видением темы, он разработал и применил в исследовательской практике новый взгляд на всемирную историю, представил ее в виде восьми культур: античной, западной, индийской, вавилонской, китайской, египетской, арабской и мексиканской.

На вопрос, относительно возможности появления новых культур, он отвечал уклончиво, однако ее не отвергал. По словам Шпенглера, человечество, развиваясь в формах особых культур, в тоже время всегда остается «вечно ребяческим», готовым продуцировать новые культуры. Не ясно, замечал он в другом разделе книги, «не приведет ли какое-то внезапное событие в земной истории к появлению... новой формы» (*Там же*. С. 500). Культуры у Шпенглера взаимодействуют. Как виделись ему это взаимодействие культур и его особенности, касающиеся русской истории?

«Перед историческим мышлением, — писал исследователь, — стоит двойная задача. Следует, во-первых, предпринять сравнительное рассмотрение *отдельных биографий культур*... А, во-вторых, — обследовать значение случайных и несистематических *связей культур между собой*» (*Там же*. С. 501).

Надо полагать, что одной из форм взаимодействия культур, согласно концепции Шпенглера, были «псевдоморфозы». Суть псевдоморфоза он разъяснил на примере скальной породы: пустоты, случайно образовавшиеся в скале, заполняет иная по структуре вулканическая масса. «Так, — по его словам, — возникают поддельные формы, кристаллы, чья внутренняя структура противоречит внешнему обличью» (*Там же*. С. 647). Что касается исторического псевдоморфоза, то, по словам Шпенглера, это случай, «когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только ... не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» (*Там же*).

Общее положение о псевдоморфозе Шпенглер полностью относил и к России. Русская культура, по его мнению, не смогла стать самостоятельной, такой как фаустовская или античная. Это заключение не являлось оценкой. Шпенглер лишь констатировал, в соответствии со своей

доктриной, степень зрелости русской культуры. В «предыстории», как части русской жизни «до культуры», и в псевдоморфозе, — в ее следующем этапе, он видел реальность русской действительности.

Сходные мысли были высказаны в России задолго до Шпенглера. «Одна из наиболее печальных черт нашей цивилизации, — писал Чаадаев в первом «Философическом письме» (1829), — заключается в том, что...мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода» (*Чаадаев П.Я. Философические письма // Россия глазами русского. СПб., 1991. С. 22*).

Понять и раскрыть суть русской истории и души Шпенглер пытался через сравнение разных культур. Он включал свое видение, полученный образ в контекст своей, отличной от предшествующей ему, в том числе русской, мысли. «Что придает смысл и содержание... миру форм», погребленному под массой «дат» и «фактов», — вопрошал Шпенглер. И отвечал: «феномен великих культур» (*Шпенглер Освальд. Указ. соч. С. 133*). В контексте предкультуры, культуры, цивилизации, а также псевдоморфоза, имея перед глазами «всемирную историю», он и вел речь о русской истории.

Излагая историю России в связанном, хотя и кратком, эпизодическом виде, Шпенглер говорил о внешних фактах, и о душе. В его концепции строй души определял смысл мира фактов. Он говорил не просто о различии русской и фаустовской душ, а подчеркивал их «неизмеримое» различие. Источники исследования, жесткий акцент на русской специфике сближали Шпенглера с нашими «самобытниками», Бердяевым. «Слово “Европа” с пребывающей под его влиянием совокупностью идей, — подчеркивает он, — связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в одно ничем не оправданное единство» (*Там же. С. 208*).

Доказательства специфики России Шпенглер искал в особенностях «русского духа». Он предлагал сравнить «русские героические сказания» о князе Владимире и народном герое Илье Муромце с «одновременными», (в соответствии с воззрениями о времени культур Шпенглера), им «Песней о Нибелунгах», «Песней о Хильдебранде» и др.

Что могло удивить Шпенглера в наших сказаниях? Глубокое отличие русской души от души Фауста? Шпенглер прочувствовал и понял изнутри специфику фаустовского человека — культуру воли, «напряженного развития к цели», движение «я», которое вздымается кверху в готической архитектуре... «от Фомы Аквинского и до Канта». Уяснил ее прасимвол — «чистое безграничное пространство». Он увидел прасимвол в динамике Галилея, в судьбе Лира, в «сознательном существовании,... которое отслеживает само себя» и т.п. (*Там же*). А что Шпенглер увидел у нас?

К.С. Аксаков в статье «Богатыри времен Великого князя Владимира по русским песням», опубликованной в «Русской беседе» в 1856 г., в противовес «Песне о Нибелунгах», повествующей, в частности, о «рыцарском быте», отмечал: «Аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси» (Аксаков К.С., Аксаков И.С. *Литературная критика*. М., 1981. С. 94). Аксаков говорил о «специфике национального типа» «изнутри». О русских былинах в целом он писал: «Перед нами эпопея особого рода... Мы не видим в ней могущественно движущегося вперед события, не видим увлекающего хода времени; нет — перед нами другой образ... это хоровод, движущийся согласно и стройно, — праздничный, полный веселья, образ русской общины» (Там же. С. 93).

В другой работе по истории отечества Константин Аксаков заключал: «Русская история (в отличие от Западной — А. М.) явление совсем иное. Дело в том, что здесь другую задачу задал себе народ на земле, что христианское учение глубоко легло в основание его жизни... Со стороны христианского смирения надо смотреть на русский народ и его историю» (Аксаков К.С. *О русской истории // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1889. С. 26–27; Маджаров А.С. А.П. Шапов: история жизни и жизнь «Истории»*. Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1 им. В.М. Посохина, 2005. С. 137–143). Аксаков был уверен, что структура русской души отличается от западной. Именно это отличие, видели Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и другие, а вслед за ними, через них, в рамках своей доктрины, и Шпенглер.

Он выявлял эту специфику в контексте своего видения истории и культуры через сравнение. Прасимволом русской «безвольной души», в противовес волевой — фаустовской, по словам Шпенглера, является «бесконечная равнина». Русский пытается *безымянно* раствориться в братском мире. «Я представляется подлинному русскому суетным» (Шпенглер Освальд. *Указ. соч. С. 337*).

Собственно изложение «мира фактов» русской истории, точнее, если следовать доктрине Шпенглера — предыстории, философ начинает со сравнения. Период, который охватил время от Ивана III (1462–1505 — годы правления) — до Петра Великого (1689–1725) — т.е. приблизительно два века, он определял, как «русскую эпоху Меровингов». Она соответствовала « времени от Хлодвига (466–511) — (король Франков — А. М.) до битвы при Тертри», когда правителем франкского королевства стал Пипин Геристальский (687), которое также охватило два века. Эпоху Меровингов и Каролингов (500–900) в Западной культуре Шпенглер относит к «предвремени», времени до культуры, и, следовательно, до истории. Время культуры Запада, по его классификации, начинается с 900 г.

Почему Шпенглер открывает русскую историю Иваном III? Помимо чисто концептуальных соображений Шпенглера, (по его мнению, Иван III

«ниспроверг татарское господство» в 1480 г.) возможно, это решение обусловлено также источником. Именно характеризуя эпоху от Ивана III до Петра I, Шпенглер советует прочитать «старомодного Карамзина» (*Там же*. С. 651). Последуем совету. Раздел «Истории государства Российского» выдающегося «историографа», посвященный Ивану III, открывается следующим симптоматичным заключением: «Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие» (*Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. VI. М.: Книга, 1989. С. 5*).

Главный итог этого периода, по мнению Шпенглера — «Каролинги фактически получили всю полноту власти» (*Шпенглер Освальд. Указ. соч. С. 650*). Заметим, в России Каролингам, согласно логике Шпенглера, соответствовали Романовы. По словам мыслителя, это был период «великих боярских родов и патриархов, когда старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры» (*Там же*. С. 651).

Шпенглер не случайно пишет о Карле Великом (ок. 742–814) — франкском короле из династии Каролингов, который добился «господства мавританско-византийского духа», в то время как Селевкиды (312–64 до н.э.) — эллинизировали арамеев. Карл Великий, в концепции Шпенглера, — «современник» Петра Великого. Подчеркнем еще раз, «Франкскую эпоху» (500–900), Карла Великого, как и наше отечество до Петра I, Шпенглер относит к «предвремению», т.е. периоду до культуры.

Развивая это сравнение, Шпенглер заключает его пассажем, характеризующем деятельность Петра I: у него «имелась возможность подойти к русскому миру на манер Каролингов или же Селевкидов, а именно в старорусском или же в “западническом” духе, и Романовы приняли решение в пользу последнего. Селевкиды желали видеть вокруг себя эллинов, а не арамеев». Так Петр Великий стал носителем «злого рока русскости», а на месте «своей культуры» явился исторический псевдоморфоз — «петровская Русь». Этот псевдоморфоз, по словам Шпенглера, «сегодня у всех на виду» (*Там же*). Образ «Петровской Руси», т.е. первый псевдоморфоз, по Шпенглеру, охватывал промежуток времени от правления Петра I, точнее от основания Петербурга (1703), до революции 1917 г.

Те же ощущения псевдоморфоза вызывала у Шпенглера и русская внешняя политика. Псевдоморфоз для Шпенглера в основе явление духовное. В Петровской России Шпенглер видел «изначальное крестьянство» «в лишенном городов краю». Религиозный язык был единственным языком, «на котором человек только и способен был понять себя и мир» (*Там же*).

Русские города, как считал Шпенглер, не были городами в полном смысле этого слова, в них еще не проявилась «душа народа». И ярчайшим примером такого неорганичного города, по мысли Шпенглера, был

Петербург. «Петербург, — восклицал он вслед за Достоевским, — самый отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре» (*Там же*). Такой оценки наш город удостоился у Шпенглера именно в итоге сравнения с городами Запада, западной культурой.

Для немецкого ценителя Гете и Ницше являлось аксиомой, что любая великая культура — культура городская. Он говорит даже больше. Для него «всемирная история» — это «история городского человека». Не каждый даже большой населенный пункт, по определению Шпенглера, является городом. В таком центре есть рынок, но может не быть самостоятельного мира, души. И только когда появляется душа города, возникает новый язык — «язык культуры» — рождается город. С этого момента, деревня, поселяне становятся для города чужими, «языка культуры» они уже не понимают. «Русский дух» — «дух прарусскости», «изначального крестьянства» — по мысли философа — не городской. Это дух — «предкультуры».

В России, по словам Шпенглера, мы видим два экономических мира: верхний, чужой, цивилизованный, проникший с Запада, т.е. «мнимо городской» и другой — не ведающий городов, живущий в глубине России среди «добра». Чужой мир города связан с капиталом. А сельская Россия в «мистической внутренней жизни» считала деньги за грех. Шпенглер понял это, прочитав Горького и Л. Толстого. Для глубинной России «деньги ради денег» — кощунство, а в религиозном чувстве — грех, — утверждал он (*Там же*. С. 962–963). Заметим, что Шпенглер в своих рассуждениях о «небуржуазности» русской души, сблизился, если не совпадал с Бердяевым. Русский мыслитель неоднократно упоминал о негативном отношении народа к богатству, буржуа, буржуазности, предопределяющем будущее России. В 1918 г. он писал о том, что Россия — «самая не буржуазная страна в мире» (*Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности // Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С. 37*). Бердяев подчеркивал, что русским типом является странник.

Русская душа не мещанская, отличается, от «мещанской Франции». В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев говорил о религиозных предпосылках «не буржуазности»: «У пророков, в Евангелии, в апостольских посланиях, у большей части учителей церкви мы находим осуждение богатства и богатых» (*Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990. С. 139*). В 1943 г. в книге «Русская идея» он неоднократно касался темы «русской небуржуазности», писал об отсутствии у нас буржуазных добродетелей..., столь ценимых Западной Европой. И о наличии буржуазных пороков. (*Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008. С. 238; Маджаров А.С. Н.А. Бердяев о женственном и мужественном началах в судьбе России // Женщина в истории России VIII–XXI вв. Восьмые Щаповские чтения / сост. А.С. Маджаров. Иркутск, 2010. С. 9–10*).

Суть псевдоморфоза, согласно заключению Шпенглера, и состояла в том, что «первобытную русскую душу» втиснули в «чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия». Народу «была навязана искусственная и неподлинная история». Ее дух прарусскость не может постигнуть, ибо она ей внутренне чужда, не соответствует степени зрелости русской культуры (*Шпенглер Освальд. Указ. соч. С. 651*).

Откуда Шпенглер черпал свои заключения о России, состоянии, стадиях, перспективах «русского духа», псевдоморфозе как неустроенности души? Основные источники Шпенглера — Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой и, одновременно, элементы западной культуры, как эталон для сравнения. В своем интересе к русской литературе как источнику смыслов Шпенглер сближался с нашим Бердяевым, славянофилами. Для Шпенглера Достоевский и Толстой не просто утилитарные источники фактов. Это — две формы русской души, каждая из которых несла разные особенности и черты России.

Общество и народ Шпенглер, вслед за русской мыслью, оценивал как разные миры: общество при Петре I стало западным (чуждым России) по духу, а «простой народ» «нес душу края в себе» (*Там же. С. 653*).

А.И. Герцен, несхожий со славянофилами в главном — в оценке роли православия в истории России, и невольно сближавшийся с ними, когда речь заходила о положении «народа» в русской истории, предвещал Шпенглера. Он также считал, что крестьянство осталось вне реформ Петра I. и сохранило свою душу (и душу России) в неприкосновенности. «Сельская Россия, — по словам Герцена, — всему внешне подчиняясь, на самом деле ничего не приняла из преобразований Петра I... Русский крестьянин многое перенес, многое выстрадал; он сильно страдает и сейчас, но он остался самим собою» (*Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собр. соч. Т. 3. М., 1975. С. 480; Маджаров А.С. Философия истории Герцена и проблемы внутренней политики в России XVIII–XIX вв. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении. Иркутск, 2008. С. 44–50*).

Для Шпенглера Толстой и Достоевский «заступники и жертвы псевдоморфоза». Они как разные части в расколе. Вспомним заключения Н.А. Бердяева о неорганичности русской истории. Достоевский в мысли Шпенглера, нес в себе подлинную, незамутненную, чистую душу, прадушу края. «Подлинный русский, — пишет он, — это ученик Достоевского, хотя он его и не читает... Он сам часть Достоевского» (*Шпенглер Освальд. Указ. соч. С. 654*). Для Достоевского (как и для «крестьянского народа») не существует революционного и консервативного — и то и другое — западное, т.е. наносное. Он смотрит поверх социального, не ценит вещи этого мира, мира фактов, не придает его улучшению никакого значения. Он как прарусский, не замечает мира вещей. «Все они, — носители этой души,

этой прарусскости, — замечает Шпенглер, — живут «во втором, метафизическом, лежащем по другую сторону от первого, мире» (*Там же*). И в этом, замечал Шпенглер, залог будущего русской культуры.

Достоевский, как его видел философ, взирал на Петра I, Россию, Европу, революцию из будущего. Он апокалиптик, апостол первого христианства, святой. В нем не было ненависти к Европе. Для него родина — и Россия и Европа. По Шпенглеру, христианство Достоевского «принадлежит будущему». Достоевский — «это Русь...будущая».

Толстой по Шпенглеру был иным. Он являлся обнаружением другой, отсутствующей у Достоевского, но тоже присущей России, ипостаси души России, выражением иной грани псевдоморфоза. Толстой, по оценкам Шпенглера, как и Достоевский, «заступник и жертва псевдоморфоза». Но в отличие от Достоевского, — за которым будущее, он — «Русь прошлая». Толстой — человек «из общества мировой столицы». Он, как и часть русского общества, принадлежит этой «цивилизации», связан с ней «всем своим нутром», являлся «великим выразителем петровского духа» (*Там же*. С. 653).

Пророк из Ясной Поляны — это «просвещенный, социально направленный рассудок», для которого жизнь — «проблема», событие внутри европейской цивилизации. Он не апокалиптик, как Достоевский, а оппозиционер на почве собственности, этики, политики и, по словам Шпенглера, стоит в одном ряду с Марксом, Ибсенем, Золя. Толстой — «подлинный наследник Петра», революционер, и «отец большевизма». Ибо большевизм — «крайнее принижение метафизического социальным» — «новая форма псевдоморфоза».

Размах русской революции 1917 г. был вызван стремлением народа «исцелиться от болезни» псевдоморфоза. Народ, по словам Шпенглера, в революции «уничтожил западный мир руками его же» учеников. «А затем, — делал он важное добавление, — отправит следом и их самих» (*Там же*. С. 654).

Немецкий исследователь видел в истории России три этапа:

- страна до Петра I — период «предвремени», до культуры, до подлинной истории;
- время от Петра I и до 1917 г. — ареал первого псевдоморфоза;
- Россия при большевиках, с 1917 г. — ландшафт второго псевдоморфоза.

О сроках предкультуры, псевдоморфоза он умолчал. Ускользала от «анализа и прогноза» и «русская душа». Загадка России для Шпенглера, заключалась, в частности, в том, что религия, основанная на общности «учений и обычаев» — христианство, на Руси легла на иной «душевный элемент людей», которые «их усваивали, ими чувствовали, говорили и мыслили». В результате, «франкская эпоха», в плане религиозного творчества, по словам Шпенглера, была «тупой и плоской», а Россия, вдруг,

в расколе, в сектах обнаружила «пламенеющую страстность», стремление «сгинуть в метафизическом».

Не уяснив смысла религиозного движения, заключал Шпенглер, не разгадать «ни Толстого, ни нигилизма, ни политических революций», не понять будущего. А смысл этот был Шпенглеру, в отличие от Бердяева, непонятен (*Маджаров А.С. Религиозный раскол Русской православной церкви: концепция Н.А. Бердяева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2011 № 1. С. 170–178*).

Шпенглер надеялся создать концепцию, которая будет работать применительно ко всем странам и народам, а пришел к исходному вопросу: «Чего следует ожидать от будущей России?» (*Шпенглер Освальд. Указ. соч. С. 735*).

Т.А. ЯКОВЛЕВА

**В ГОД ИСТОРИИ РОССИИ — К ИСТОРИИ
ПРОТИВОРЕЧИЙ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ
(к разработке учебного курса
«История и теория модернизации в России»)**

2012 г. объявлен президентом России годом российской истории. Но первичная радость и надежды историков по этому поводу довольно быстро сменились апатией и тихим отчаянием. Отчаяние укрепляется пониманием необратимости кризиса современной исторической науки и исторического образования в России. Кризис проявляется в избытии сомнительных реформ и нововведений, массовом непрофессионализме, переписывании и переделке истории, доступности исторических данных для огромного количества людей благодаря Интернету. Действительно, в обществе почти сформировалось новое историческое сознание, мозаичное, далекое от научности и объективности. В одной из публикаций в журнале «Родина» оно названо новой исторической культурой (*Тишков В. Интернет как историческая проблема // Родина. 2011. № 6. С. 57*). Это бьет по истории, мешает знать ее и учиться у нее. В условиях такой «новой исторической культуры» надежда, что власть все же сможет извлечь уроки истории, становится еще более призрачной. Многие соглашались с тем, что власть проявляет нежелание и неумение думать о логике исторического развития, о законах общества, о самом главном — об интересах людей. А значит, год российской истории вряд ли станет настоящим уроком жизни.

И все же не стоит бросать попыток оживить возможности исторической науки в год истории. Учебный курс в высшей школе «История и теория модернизации в России» привлекает многих авторов возможностями изучения, как альтернатив развития, так и взаимоотношений влас-